

Из мести...

детский рассказ

1

Никогда ранее Серёжка не позволял себе ничего подобного. А тут... Как гром среди ясного неба!

- О чём мечтаешь, Новиков?

- Да так, Анна Васильевна...

- Но мы тебе не мешаем, нет?

Аннушка – училка ехидная и доставучая. Другим вон хоть бы хны, а ему ничего не спустит, - любит, видите ли, чтобы он её слушал. А как, спрашивается, можно сидеть и слушать все 45 минут урока? Ну, вот как? Уставиться как баран на новые ворота и буравить взглядом? А вы пробовали так? Нет? Не пробовали? Попробуйте, проведите эксперимент! Все мускулы лица напряжены, взгляд деревенеет, скулы сводит. И через несколько минут начинаешь так безбожно зеваааать, что, даже если удаётся прикрыть ладонью рот, этот дурацкий звук из недр гортани всё равно не приглушить.

А Аннушка считает своим долгом поставить тебя «на место». А кому хочется становиться «на место», когда тридцать однокашников буквально пожирают тебя взглядами? Кто насмешливыми, кто сочувствующими, какая разница! Не любит он быть в центре внимания, не любит и всё!

Но, с другой стороны, и ответить достойно нельзя. Ещё рассердится и пошлёт к завучу или директору; ибо дальше послать не может, не имеет права – должность не позволяет... Ерунда какая-то: и молчать недопустимо, и возразить нельзя... Что же делать?

- Ну, так как, Новиков? – Аннушке всё ещё неймётся.

Серёжка осмеливается всё-таки уточнить:

- Что «как»?

- Я спрашиваю, как мечтается?

- Стоит ли на этом заострять внимание?

Всё же не выдержал, съязвил в тон! А Аннушку хлебом не корми – только масла в огонь подлил.

- Сто́ит, Новиков, сто́ит! Должна же я знать, о чём думает человек на уроке истории!

- Об истории, - машинально парировал Сергей.

- Об истории чего? Новых дисков? Телефонных знакомств? Вот этого, как вы все выражаетесь, современного джинсового костюма, нахлобученного вместо школьной формы?

Так... Завелась. С пол-оборота. На ровном месте. Надо как-то сгладить углы. Пытается ещё что-то возразить...

- Да нет, Анна Васильевна... я как раз... о настоящей истории думаю...

- Да-а? Как интересно... Вот с этого места поподробнее, пожалуйста!

А этим только пальчик покажи – уже сидят, хихикают. На представлении себя почувствовали. Кому представление, а кому...

- О том, как в 13-м году в Сараево эрцгерцога Фердинанда...

- Ты уверен, ничего не путаешь?

- Н-наверно нет, всё так и было... вот и в тетради у меня написано...- неуверенно лопочет Серёжка. – Вы же сами диктовали...

- Ну вот что, бравый солдат Швейк! – у Аннушки голос ровный и звонкий (интересно, её где-то специально этому учили?) – Диктовала я это в прошлом полугодии, помнится. А по поводу того, что у тебя написано... Ты знаешь, о чём гласил один из первых указов царя Петра Первого?

- Н-нет... - Серёжка окончательно сбит с толку.

- А указ был таким... - голос Аннушки становится назидательно-торжественным: «Боярам в Думах говорить по ненаписанному, дабы дурь каждого была видна!»

Теперь окончательно влип. В классе такой хохот, что, честное слово, хоть бросайся к выходу, беги прочь, без оглядки и больше не попадайся на глаза друзьям-товарищам...

Звонок! Вот оно – спасение! Последний, шестой урок в субботу, а завтра – выходной. Эх, дотянуть бы! А ведь совсем немного осталось – меньше недели. Дальше экзамены и всё – и прощай школа, альма-матер...

Директриса Елена Борисовна на днях предупреждала:

- Смотри, Новиков, не сорвись! Последняя неделя осталась. В этом году ты один на медаль идёшь. Не подведи!

Как же они все достали: не делай то, не делай это, не сорвись, не подведи... Как будто это не ему нужно, а им.

Весна... Май... Буйство красок... Какая погода! На небе – ни тучки, ни облачка. Послать бы сейчас всё к чёрту, созвониться с ребятами и рвануть за город, на озеро! Но нет, нельзя. Сегодня придётся писать реферат на понедельник – ведь завтра такое мероприятие!..

А дома - всё, как было утром: невымытая посуда в раковине (как всегда, минуты не хватило помыть!), записка от мамы: «Суп на плите, котлеты в холодильнике. Не забудь разогреть!», уроненная им второпях тетрадь по математике и на серванте сотни раз перечитанная телеграмма: «Ира придет воскресенье 9 утра поездом Москва-Киев вагон 11 Серёжка встречай Владимир Петрович».

2

Они начали дружить с восьмого класса – когда Серёжка перешёл в новую школу. Зайдя в класс, первым делом он осмотрелся, желая найти себе место, скромно, «на галёрке». И... увидел Ирку. Быстрая реакция всегда прикрывает робость и смущение. Поэтому он сразу направился к её столу:

- Рядом с тобой кто-нибудь сидит?

- Да, - улыбнулась Ирка. – Ты.

А дальше – жизнь захватила их и вовлекла в свой круговорот – уроки, прогулки по вечернему городу, планы на будущее...

Очень быстро Серёжка успел понять, что любит Ирку больше всех на свете и не может без неё жить. Долгими ночами он даже готовился сказать ей об этом в самых искренних и нежных словах, которые, возможно, до сих пор не занесены ещё ни в один толковый словарь... Он репетировал свой монолог и восхищался собственным красноречием. Но когда видел её, все слова сразу куда-то улетучивались, и он мог болтать с ней только о самом обычном.

Закончился в их жизни восьмой учебный год. В последний учебный день, как обычно, шли к Иркиному дому. Она тогда вдруг стала непривычно сосредоточенной и всю дорогу молчала. Серёжка даже растерялся – такой он не видел подругу никогда. У подъезда Ирка остановилась.

- Серёж, - неожиданно серьёзно спросила она. – Скажи, если бы я вдруг уехала, что бы ты сделал?

- Поехал бы за тобой, - не задумываясь, ответил он.

- Нет, ты не понял. Я говорю, если бы уехала далеко, надолго. Если бы мы с тобой надолго...

- Ирка, ты что? Ты это брось! Что за мысли дурацкие? Ты будешь здесь, а я – всегда с тобой. Как же иначе?

- Серёжка, я не буду здесь. Мы уезжаем... за границу... Вот.

- Т-ты серьёзно?

- Серьёзнее не бывает...

- А обо мне ты подумала? Не-ет, я тебя куда не отпущу!

- Да, пойми же! Я не просто так уезжаю. Папу переводят работать за границей!

- Ну?

- Что «ну»?

- Его пусть переводят, а ты оставайся!

- Нельзя. Ты же сам это понимаешь... Серёжка, послушай. Мы будем писать друг другу письма, а летом, может, мы с мамой приедем погостить... Потом у папы контракт закончится, и мы вернёмся.

- Когда это «потом»?

- Ну... лет через пять...

- Как же я без тебя пять лет???

- Сначала будешь очень сильно скучать, потом – меньше, потом – ещё меньше, потом – совсем перестанешь.

- Не перестану!

- Да ладно, все так говорят...

- Но ты будешь приезжать на каникулах? Обещаешь?

- Я постараюсь...

А потом было прощание в аэропорту.

- Серёжка, ты меня не забудешь?

- Ирка, ты знай... Ты у меня одна... Ещё я хочу тебе сказать... Я тебя буду ждать... Очень долго... Если нужно, всю жизнь...

Ирка уткнулась носом в его плечо, прошептала:

- Серёжка... мой Серёжка...

А через полчаса от земли оторвался «ТУ-154», унося в заоблачные высоты Ирку. И в тот момент Серёжа окончательно понял: между ними пролегла огромная, леденящая душу бездна, преодолеть которую с помощью писем не удастся...

Поначалу письма приходили почти ежедневно, и были они продолжительными и бессвязными. Но они облегчали его грусть, помогали легче переносить одиночество. Потом письма от неё стали приходить реже (хотя он ей по-прежнему писал через день). В конце концов, переписка прекратилась. И следующим летом она не приехала... «Всё по её схеме, - с горечью думал Серёжка. – Меньше – ещё меньше – совсем мало - и всё...»

После её отъезда он часто бродил в тех местах, где они обычно гуляли вдвоём, словно желая вернуть то счастливое время. А однажды, ещё в том первом сентябре без неё, глубоко о чём-то задумавшись, он пошёл после школы знакомой дорогой, которой когда-то они ходили вместе... Опомнился только у самого её подъезда. И ему представилось на миг, что он войдёт сейчас в этот подъезд, поднимется на нужный этаж, позвонит в её дверь, а ему откроют незнакомые люди... скажут, что Ира здесь не живёт, что он, наверно, ошибся... От этих мыслей он вдруг расплакался и так шёл по улице, не стесняясь своих слёз...

Начался последний учебный год. И он не то чтобы начал забывать Ирку, но просто постепенно привык к тому, что её нет рядом. Приучил себя к одиночеству. Так проходили дни, недели, месяцы... Жизнь как будто вошла в новую колею. И вдруг... эта телеграмма. Сначала его охватил озноб, потом – мысль, что всё это сон, потом – жгучая, не знающая пределов радость. Его даже не смутило, что телеграмму прислал Владимир Петрович, Иркин отец, а не она сама. И мысль, что скоро - вот уже завтра – он её увидит,

затмевала собой все обиды, все долгие месяцы горького одиночества...

3

Поезд опоздал на двадцать минут, которые показались ему вечностью. Сергей стоял, прислонившись к колонне, и чувствовал, как выпрыгивает сердце из груди. Он принёс чайные розы – её любимые цветы.

Ирку он увидел неожиданно – причём, не в тот момент, когда она выходила из вагона, а уже на платформе. Вынырнув из-под плеча атлетически сложенного парня, она шла прямо в Серёжкином направлении, смеясь, что-то говоря и жестикулируя. Несомненно, она не видела его. Сергей знал – нужно ринуться навстречу и... не мог пошевелиться.

Он успел заметить, что она почти не изменилась, только волосы её теперь уже не длинные, как раньше, а короткие и выющиеся...

И без того маленькое расстояние, разделявшее их, с каждой секундой сокращалось. словно какая-то пружина распрямила Сергея и отделила его от колонны. Но в этот самый момент атлет обнял Ирку и притянул к себе...

Пружина сработала в обратном направлении, будто кто-то натянул её до отказа и отпустил: Сергей ударился спиной о колонну и так остался стоять, не дыша... Они прошли в двух шагах от него и не заметили...

Через несколько минут перрон опустел. Только у одной из колонн сиротливо лежал букетик чайных роз...

«Как же она могла! – ожесточённо думал он по дороге домой. – Как она могла?! Но с этой минуты она перестаёт для меня существовать. Забуду дорогу к её дому. А если случайно встречу, сделаю вид, что не узнал!..»

Но он пришёл. Пришёл на следующий день. Идя знакомой дорогой, чувствовал нестерпимую, острую боль в груди. Он толком не представлял, как они встретятся и что он ей скажет, но с каждой секундой ускорял шаги, словно боясь куда-то опоздать. Лишь на лестничной клетке, перед её дверью, на короткое мгновение

остановился, чтобы перевести дыхание.

Он позвонил. За дверью послышались торопливые шаги. Она открыла и... удивлённо отступила на шаг. Судя по её реакции, она кого-то ждала. *Кого-то*, но не его.

- Привет, - тихо сказал Сергей.

Она улыбнулась, только как-то смущённо устало:

- Привет... - и застыла.

Молчание становилось невыносимым.

- Можно мне... войти? – спросил Сергей, скорее из необходимости хоть что-нибудь сказать.

- Можно... но... Подожди, как ты узнал?..

- Твой папа дал телеграмму.

Она вновь выдавила улыбку:

- Да, это в папином стиле... Он любит делать сюрпризы.

- Ты занята? Кого-то ждёшь?

- Да, - одними губами прошептала она, стараясь не смотреть на него.

Слов не было. Сил не было. Говорить было не о чем. Сергей не помнил, как вновь очутился на улице...

4

- Добрый день, Анна Васильевна.

- Заходи, Серёжа. Присаживайся.

Он взглянул на фотографию на столе:

- Ваш муж?

- Нет, друг. Близкий друг. Но он далеко.

- Хороший!

Аннушка улыбнулась:

- Откуда ты знаешь?

- Вижу...

Странно начался этот разговор. Он шёл «на ковёр» к Аннушке, которая была их классным руководителем, совсем с другими мыслями...

Аннушка села напротив – глаза в глаза. Помолчали.

- Серёжа, ты извини меня, - вдруг сказала она.

- Ч-что? – спросил он, опустив глаза, в которых вдруг почувствовал

нестерпимое жжение.

- Это было нетактично с моей стороны – тогда, на уроке, иронизировать. Я попросила тебя зайти, чтобы извиниться перед тобой. И сказать тебе кое-что.

- Как вы это выносите? – неожиданно спросил он.

- Выношу – что?

- Ну... разлуку, одиночество. Вы же можете уехать к нему...

Она опять улыбнулась:

- Не могу, Серёжа. Ему это не нужно, понимаешь. Ему так легче...

- Он вас не любит? – с горечью продолжал допытываться Сергей.

- Нет, тут всё сложнее... Скажи, ты не обижаешься на меня?

- Я?!

- Серёжа, я знаю, всем сейчас нелегко. Конец учебного года, нервы... Скажи, - вновь огорошила она его. – Ира вернулась, да?

- Откуда вы знаете? – пролепетал Сергей.

- По тебе видно. И видно, что ваша встреча ничего хорошего тебе не принесла.

Ему вдруг захотелось поговорить о наболевшем:

- Что мне делать?!!!

- Не знаю, Серёжа. Быть терпеливым. Ждать. Надеяться. Но быть мужчиной, не раскисать. Понимаешь? И не только потому что конец учебного года и экзамены. Потому что это твой единственный шанс вернуть её. Я женщина. Я знаю, что говорю...

Он позвонил Ирке на следующий день.

- Ты?! – вновь неподдельно удивилась она.

- Да. Не волнуйся, я тебя надолго не задержу. Просто я хотел сказать тебе... если в твоей жизни случится беда и рядом никого не будет, ты помни, что есть один человек, который тебя очень любит. Тогда достаточно будет одного твоего звонка, чтобы я примчался к тебе на край света...

5

Наяву это было или во сне? Кто даст ответ? А впрочем, никаких ответов давать не нужно. Важно не то, что *было*, а то, что *есть*. И тут уж действительно ничего не исправишь. Остались одни воспоминания, сладостно-щмящие, жгучие. Остались её

фотографии, одна из которых с надписью «Серёжка, милый, не забывай!» - это она ему прислала с первым письмом из Дрездена.

Сергей знал – всё кончено. Всё хорошее и светлое осталось в прошлом. А впереди – ничего, пустота. Тогда он невольно задумывался: «Неужели в семнадцать лет жизнь кончилась, отшумела? Неужели все радости позади? Тогда, если всё так плохо, так пустынно и серо, для чего вообще жить?» Он задавал себе эти вопросы – и сам боялся искать на них ответы. И все мамины заверения, что ни на ком не сошёлся клином свет, звучали для него как банальные нравоучения, не более. Горе полностью овладело им, и мир вдруг стал пустым и тесным.

Да, он понимал: всё кончено. И одно только обстоятельство мешало поставить Сергею горький крест на своей любви. Его последние слова, сказанные тогда, по телефону... Он произнёс их таким тоном, что они не могли никак не подействовать на неё. Он понимал – такая вера в чудо слепа, нелогична, бесполезна... и всё-таки, продолжал верить, порой безотчётно, не признаваясь в этом даже самому себе. Только теперь он не ждал, как раньше, телефонных звонков. Желая развеяться, отвлечься от своих мыслей и воспоминаний, он старался занять всё своё свободное время. Но при каждом телефонном звонке как-то вздрагивал, и, лишь когда слышал чей-то (не её!) знакомый голос, вздыхал и разочарованно говорил: «А, это ты!»

...Звонок ворвался в домашнюю тишину его комнаты резким и неправдоподобно гулким. Сергей только что вернулся со стадиона. Страшно шумело в голове и больше всего хотелось тишины. Он сидел в кресле, сжав ладонями виски.

Звонок телефона оглушил как разрыв снаряда. Боясь его повторения, Сергей быстро поднял трубку:

- Алло, я слушаю.

- Алло, - сдавленным голосом ответили на том конце провода, и на миг воцарилась тишина.

Сергей замер, потрясённый звуками этого знакомого до боли голоса...

- Алло! – опять послышалось в трубке. – Алло! Серёжка, я ведь знаю, что это ты! Умоляю, не молчи, ответь что-нибудь!

Как он хотел слышать этот голос! Но он боялся, панически боялся ответить, потому что знал: всё это снится и достаточно произнести одно-единственное слово, как сновидение моментально исчезнет, развеется...

- Серёжка, если ты мне сейчас же не ответишь, я разревусь!

И столько отчаяния было в этих словах и в этом голосе, что он понял: нет, это уже не сон!

- Я слушаю, - выдал он из себя.

- Это я, Ира... Ты опять молчишь?

- Я узнал тебя...

- Я хотела тебе сказать... Помнишь, ты говорил, что, если мне будет очень плохо, я могу позвонить тебе.

Кровь застучала в висках.

- Ира, что-то случилось?

- Случилось, Серёжа. Я совсем-совсем одна и мне сейчас очень плохо. Я так хочу тебя видеть! Ты можешь...

- Где ты сейчас?

- Наше старое место помнишь?

Ему ли не помнить их «старое место» - сквер возле школы. Столько раз он проходил там, останавливался, слушал, как учащённо начинает биться сердце, и всё думал, думал о ней...

- Через десять минут там буду! Жди!..

6

Ей почти не пришлось ждать. Он прибежал, задыхаясь, не в состоянии произнести не слова. Но она сама, не дав ему опомниться, заговорила:

- Серёжка, так много надо сказать, столько всего произошло... Ты прости меня за нашу первую встречу... Мне нужно сказать тебе одну очень важную вещь... Только сначала ты скажи: ты любишь меня?

- И ты ещё спрашиваешь?!

- Нет, ты скажи!

- Я люблю тебя, Ирка! Очень люблю!

- Я верю тебе, верю! Ты очень славный, ты самый хороший! Я знаю, ты меня никогда не оставишь!

- Ирочка...

И город захлебнулся звонкими отголосками недопетых песен, и вечер утонул в ярко вспыхнувших разноцветных огнях, и небо заискрилось звёздами, которые, казалось, грохнутся от радости на землю, и будут принадлежать только им двоим... И ветер, шумевший в кронах деревьев, шептал лунной ночи жаркие слова любви, клятвы и заверения в верности. И всё это сопровождалось музыкой звёздного вечера и сказочным полётом в невесомость, в никуда.

Как жаль, что скоро кончится эта ночь! Как не хочется, чтобы кончалась эта сказка – сказка наяву!.. Скоро зажгутся костры восходов, а они идут навстречу утренней заре, держатся за руки и смеются... Не это ли Счастье?

- Вон, смотри, Серёжка, падает звезда!

- Вижу.

- Загадай желание!

- Загадал.

- Сбудется!

- Да-а?!

- Не веришь?..

- Нет, ну почему...

- Ты хочешь поцеловать меня. Правильно?

- Да! – еле выдохнул Сергей.

- Ну, поцелуй!

Серёжка уткнулся носом и губами в её щеку, но она отстранилась:

- Не так, не так, Серёжка!

И вдруг, быстро обвив руками его шею, прильнула губами к его губам:

- Вот так надо, понял?..

- Ирка, я... у меня просто голова кругом идёт! Я как хмельной... мне воздуха не хватает... трудно дышать... жарко... неужели это не сон?! Ты рядом! Я до сих пор не могу поверить!!!

- Ты молодец, что пришёл. Спасибо.

- Да ты что? – счастливо рассмеялся Серёжка. – Причём тут твоё «спасибо»?

- Нет, действительно, спасибо за всё. Спасибо, что помог мне. Я знаю, о чём говорю. А сейчас мне пора.

- «Пора, не пора – иду со двора!» - беззаботно передразнил её Серёжка. – Когда увидимся, скажи? Давай днём! Тебе пару часов поспать хватит? Кстати, в чём я тебе помог-то?

- Помог мне отомстить!

- Кому?

- Ну, тому, которого я ожидала тогда увидеть вместо тебя.

Сергей застыл как вкопанный.

- Как это?

- Просто, понимаешь, мы уже два года вместе. Он себя супергероем считает – к нему девчонки так и липнут. Ну, а я - вроде как при нём. Ему можно всё, а мне нельзя ничего. Я ему ещё про тебя рассказывала. Он меня потом, чуть что, всё время поддевал: «Ну, иди давай, пожалуйся на меня своему хлюпику!». Вот он и дождался! В следующий раз хорошо подумает – перед тем, как закрутит очередные шашни с новой пассией... А я уже представляю, как он очумеет, когда узнает о нашей сегодняшней встрече... Сергей! Куда ты?! Стой!.. Серёжка, остановись! Какая муха тебя укусила?!

На утренний рассветный город стремительно надвигались сумерки, словно кто-то специально прикрыл небо завесой. И звёзды, разноцветные ярко красочные звёзды действительно разом посыпались, грохнули вниз. И каждая из них, падая, больно била его по голове, по шее, по плечам. Потом они со звоном, похожим на стон, катились под ноги, и в каждом таком звуке слышалось: «Обман. Предательство. Подлость. Мечь».

Серёжка долго ещё слышал её голос, но он, этот голос, уже не притягивал магической силой, как раньше, а наоборот, отталкивал. И он бежал всё дальше и дальше – в ночь, в темноту дворов и переулков. Он не замечал, как на бегу с губ срываются слова: «Из мести... Это она из мести...» Кто-то внутри него ещё слабо возражал: «Куда ты? Она ведь сама тебя зовёт. Сама...» Но он продолжал бежать, заранее зная, что больше уже никогда-никогда к ней не вернётся...

1984 - 1985